

ВИТАЛИЙ КУРЕННОЙ

Психологизм и его критика Эдмундом Гуссерлем¹

Рецепция «Пролегомен»

Первый том «Логических исследований» Э. Гуссерля, вышедший в свет в 1900 году, является одним из наиболее успешных сочинений современной философии². Именно эта работа, построенная на критике широкого круга философских авторитетов своего времени, сделала сорокадвухлетнего приват-доцента известнейшим философом своего времени, стяжав не только ответную критику, но и широкую поддержку университетских философов Германии. До публикации «Пролегомен к чистой логике» Гуссерль был малоизвестным автором, в 1891 году выпустившим первый том книги «Философия арифметики» (второго тома так и не последовало), на которую заметной критической рецензией отреагировал один только Готлоб Фреге.

Второй том «Логических исследований», вышедший в свет год спустя, в 1901 году, отнюдь не вызвал бурного энтузиазма у читателей, как это может показаться на основе монументализированной истории феноменологии и феноменологического движения. На лекциях Гуссерля в первые годы пребывания в Геттингене (непосредственно после публикации «Логических исследований», начиная с 1901 года) присутствовало лишь по несколько слушателей³.

¹ Статья написана в рамках подготовки новой редакции перевода «Пролегомен к чистой логике», осуществленной Р. Громовым и В. Молчановым.

² Вплоть до аналогий с революционной «Критикой чистого разума» «Критический эффект „Логических исследований“ можно сравнить с кантовской критикой разума. Подобно тому, как Кант стал разрушителем для всей школьной метафизики, Гуссерль уничтожил психологизм» (*Marquard O. Transzendentaler Idealismus, Romantische Naturphilosophie, Psychoanalyse. Köln: Verlag für Philosophie Jürgen Dinter, 1987. S. 13*).

³ *Ингарден Р.* Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля / Пер. А. Денежкина и В. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 8.

«Феноменологическое движение»⁴ начинает формироваться в 1904–1905 годах, причем главным образом не из студентов Гуссерля, а из круга мюнхенских феноменологов — учеников крупнейшего и известного психолога и философа своего времени Теодора Липпса. Первая работа, маркировавшая себя как выполненная в русле именно феноменологии Гуссерля, появилась лишь в 1908–1909 годах и была посвящена весьма нехарактерной для самого Гуссерля сфере интересов: в «Журнале по эстетике и общему искусствознанию», издаваемом Максом Дессауэром, появилось «феноменологическое исследование» Вальдемара Конрада, посвященное «эстетическому предмету»⁵. На 1909 год приходится также защита первых диссертаций у Гуссерля в Гёттингене, а именно Адольфа Райнаха (он защищался в Гёттингене вопреки своему первоначальному намерению провести защиту у Теодора Липпса в Мюнхене)⁶ и Вильгельма Шаппа⁷. Таким образом, если к 1909 году можно говорить о робком старте позитивной исследовательской программы феноменологических исследований в рамках раннего феноменологического движения, то первая — критическая — часть «учреждающих» феноменологию «Логических исследований» в этот момент достигает апогея своего влияния и популярности.

Подтверждением сказанному является тот факт, что как раз в 1909 г. в России под редакцией Семена Франка выходит перевод «Прологомен к чистой логике» — первый перевод Гуссерля на иностранный язык. В своем предисловии к публикации перевода, выполненного Э.А. Берштейн, Франк, ссылаясь на «согласное мнение специалистов», характеризует «Прологомен» как «одно из самых выдающихся произведений логической литературы последних лет». Тогда как второй том «Логических исследований» здесь же скромно характеризуется как «специальный» и насыщенный «сложными и труднопередаваемыми логическими терминами»⁸.

⁴ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. М.: Логос, 2002.

⁵ Conrad W. Der ästhetische Gegenstand. Eine phänomenologische Studie (Bd. III (1908), S. 71–118, 469–511; Bd. IV (1909), S. 400–455). Показательно, что в следующей своей работе, посвященной эстетике, В. Конрад вовсе не использует термины «феноменология» или «феноменологический» (Conrad W. Bühnenkunst und Drama // Zeitschrift für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. VI. (1911) S. 249–277; 355–404).

⁶ Подробнее см. наш комментарий к изданию работ Адольфа Райнаха: Райнах А. Собрание сочинений / Пер. с нем., составление, послесловие и комментарий В. А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 404 и далее.

⁷ Schapp W. Beiträge zur Phänomenologie der Wahrnehmung. Göttingen: Druck der Universitäts-Buchdruckerei von W. Fr. Kaestner, 1910.

⁸ Цит. по: Антология феноменологической философии в России / Под общ. ред. И. Чубарова. Т. 1. М.: Логос, 1997. С. 179. Относительно отношения С. Франка к «Логическим исследованиям» Гуссерля см. здесь же наш комментарий: Куренной В. С. Л. Франк и «Логические исследования» Э. Гуссерля // Антология феноменологической философии в России. С. 174–178.

Таким образом, если говорить о первоначальном этапе рецепции «Логических исследований», охватывающем период с 1910 до 1913 года⁹, то значение «Прологомен» намного превосходит второй том работы. Это прекрасно видно как по реакции, например, русского философского сообщества¹⁰, так и по реакции немецкого и австрийского философских сообществ: именно «Прологомен» спровоцировал реакцию основных философских авторитетов Германии того времени — Вильгельма Вундта, Христофа Зигварта, Пауля Наторпа и других философов.

Причем эта реакция имела определенный, если не сказать односторонний характер: оппоненты Гуссерля из числа немецких университетских философов¹¹ шли не путем защиты «психологизма», а путем встречных и довольно агрессивных обвинений Гуссерля в том же самом психологизме — за весьма редкими исключениями вроде позиции Морица

⁹ В 1913 году выходит первый номер «Ежегодника по философии и феноменологическому исследованию» — консолидированного органа феноменологически ориентированной философии, издававшегося под редакцией Гуссерля. Первый выпуск «Ежегодника» содержали «Идеи I» Гуссерля, публично обозначившие его переход на позиции трансцендентальной феноменологии и, таким образом, серьезный разрыв с «Логическими исследованиями».

¹⁰ Она в основном собрана в указанной «Антологии феноменологической философии в России».

¹¹ Мартин Куш, рассматривая различные типы реакции на критику Гуссерля, посвящает параграф «Самопровозглашенным психологистам», то есть тем, кто, на первый взгляд, продолжал называть себя психологистом после критики Гуссерля (*Kusch M. Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London / New York: Routledge, 1995. P. 113–115*). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что эта группа состоит из нескольких довольно своеобразных типов, а именно в нее входят: 1) те, кто признавал себя психологистом, но при этом не большим, чем сам Гуссерль (Т. Липпс), 2) те, кто не принадлежал группе университетских философов (Ф. Маутнер), 3) те, кто признавал себя психологистом в каком-то специальном, узком смысле слова, но отнюдь не признавал себя психологистом согласно полному смыслу понятия, определенного Гуссерлем (Ф. Brentano, А. Майнонг и ряд других учеников Brentano, В. Ерузалем и др.). Особо следует подчеркнуть, что большая часть философов, признававших себя психологистами в каком-то аспекте, были австрийскими, а не немецкими философами. Это обстоятельство полностью игнорируется Кушем, хотя оно имело принципиальное значение в «споре о психологизме». Прочитав в связи с этим обсуждение самим Гуссерлем этого аспекта проблемы (и даже конкретнее — позиции А. Майнонга) в письме Риккертю (от 20 декабря 1912 года) в связи с «Заявлением» философов против занятий психологами кафедр философии (подробнее см. ниже): «Глубокоуважаемый коллега! Спешу сообщить в нескольких словах, что совершенно согласен с Вашим проектом „Заявления“. Принимая во внимание его цель, я не мог бы добавить к нему ни единого слова. Я придерживаюсь Вашей позиции, что ниже этого минимума мы не можем опускаться. Для меня не было неожиданностью, что Майнонг откажется в этом участвовать. Вообще сомнительно, что мы найдем отклик в Австрии. В Германии в этом не будет недостатка, но возможны также и энергичные выступления противоположного характера. Будущее покажет» (*Гуссерль Э. Избранная философская переписка / Пер. с нем. Е. Борисова, В. Куренного, И. Михайлова. Т. 1. М.: Феноменология — Герменевтика, 2004. С. 167*). Таким образом, я настаиваю на корректности сформулированного общего тезиса о немецких университетских философам.

Шлика¹². Именно так поступил, например, Христоф Зигварт¹³ в третьем издании своей «Логики» (1904): «И все же он сам [Гуссерль. — В. К.] учит, что достоверность логических законов является „переживанием“ и возвращается к очевидности, в которой открывается истина. Однако же „переживание“ представляет собой эмпирический психологический факт, а очевидность есть то состояние духа, в котором мы пребываем в это время. <...> Если это и есть эмпиризм и „психологизм“, то Гуссерль сам повинен в этой ереси»¹⁴.

Пауль Наторп в своей рецензии на «Прологомен» (сразу обеспечившей этой работе Гуссерля внимание со стороны неокантианцев), отрицающая справедливость выдвинутых Гуссерлем обвинений неокантианцев в психологизме¹⁵, равным образом отмечает: «Кто *хочет* найти психологическое, найдет его повсюду, и у Гуссерля также»¹⁶.

Неокантианское направление рецепции Гуссерля на раннем этапе складывалось, кроме того, под влиянием рецензии Наторпа на первую книгу «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии»¹⁷, статьи Риккерта «Два пути теории познания»¹⁸, а также работы Наторпа «Общая психология согласно критическому методу» (1912), в которой отдельному критическому обзору подвергнуты концепции Вундта, Липпса, Гуссерля и Дильтея¹⁹.

Влияние южно-немецкой «философии ценностей» и в первую очередь Генриха Риккерта на рецепцию идей Гуссерля можно уверенно проследить по работам русских неокантианцев, для которых признание важного критического значения первого тома «Логических исследований»

¹² Это интересное отклонение можно объяснить тем, что Мориц Шлик также весьма последовательно стремится реализовать проект «философии как строгой науки», но при этом альтернативный по отношению к феноменологии. Подробнее см.: *Kurennoy V. Moritz Schlick and Criticism of Phenomenology: From the History of Struggle for the Status of «Philosophy as an Exact Science» // Russia and Phenomenological Tradition. Proceeding of the International Conference. St. Petersburg School of Religion and Philosophy, 2005. P. 90–93.*

¹³ О Зигварте см.: Антология феноменологической философии в России. С. 274–276.

¹⁴ *Sigwart Ch. Logik. Vierte, durchgesehene Auflage. Erster Band. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1921. S. 25.*

¹⁵ Согласно Наторпу, психологизмом можно было бы назвать только Альберта Ланге, «чье сведение априори к „организации“ уже давно было признано заблуждением и решительно отвергнуто Когеном и теми, кто у него учился» (*Natorp P. Zur Frage der logischen Methode. Mit Beziehung auf Edm. Husserls „Prolegomena zur reinen Logik“ // Kantstudien. 1902. Bd. 6. S. 280.*)

¹⁶ *Natorp P. Op. cit. S. 280.*

¹⁷ *Natorp P. Husserls Ideen zu einer reinen Phänomenologie // Die Geisteswissenschaften. 1914. I. S. 420–426, 448–451. Logos. 1917. Bd. 7. S. 224–246.*

¹⁸ *Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. Сборник седьмой. Теория познания III. СПб.: Образование, 1913. С. 1–79 (впервые статья была опубликована в 1909 году).*

¹⁹ *Natorp P. Allgemeine Psychologie nach kritischer Methode. Erstes Buch. Objekt und Methode der Psychologie. Amsterdam: E. J. Bonset, 1965. S. 262–292.*

было общим местом. Однако эта неокантианская перспектива практически закрыла для них возможность оценить позитивные инновации Гуссерля. Здесь сыграло свою роль одно из терминологических недоразумений²⁰. Гуссерль в первом издании «Логических исследований» довольно часто использует общепринятый для философии ценностей термин «значимость» (лексическая группа дериватов от глагола *gelten*). В силу этого *весь* проект «чистой логики» Гуссерля был воспринят неокантианцами как некий своеобразный вклад в развитие «философии значимости». Это можно проследить по рецензиям на русский перевод «Прологомен к чистой логике», написанным русскими учениками немецких мэтров. И Лев Салагов, и Сергей Гессен сделали в своих рецензиях акцент на ошибочность этого перевода, в котором редактор, по их мнению, ошибочно проигнорировал терминологическую специфику «значимости», то есть не закрепил в нем при переводе определенного русского понятия, в результате чего перевод этого понятия и его производных варьируется в зависимости от контекста²¹. Однако насколько случайным был этот термин для самого Гуссерля, показывает уже второе издание «Логических исследований», выпущенное в 1913 году, где термин «значимость» во многих случаях был просто заменен (подробнее об этом сюжете и стратегии терминологической модификации см. наш комментарий к собранию сочинений Адольфа Райнаха²²).

Среди возражений против критики Гуссерля особого упоминания заслуживает также специфическая позиция Вильгельма Вундта — одного из наиболее авторитетных ученых своего времени. Вундт также отмечает от себя обвинения в психологизме и считает, что критика психологизма уже была осуществлена в 1880-х годах — в первом издании его собственной «Логики». С целью критической оценки позиции Гуссерля Вундт вводит понятие логицизма — противоположной психологизму крайности, которая, согласно Вундту, столь же опасна для логики, как и логика для психологии: «Психологизм стремится превратить логику в психологию, логицизм — психологию в логику»²³. Кроме того, благодаря цитируемой статье Вундта по отношению к школе Brentano и Гуссерлю закрепляется эпитет

²⁰ Недоразумение не единственное и даже не самое важное: еще одним принципиальным недоразумением было, как указывает сам Гуссерль в предисловии ко второму изданию «Прологомен», «вводящее в заблуждение обозначение феноменологии как дескриптивной психологии», принятое в первом издании второго тома «Логических исследований». Использование понятия «дескриптивная психология» поначалу было дополнительным сильным аргументом в пользу обвинений самого Гуссерля в психологизме.

²¹ См.: Антология феноменологической философии в России. С. 183–191, 197–210. А также наш перевод диссертации Л. Салагова «О понятии значимого в современной логике» и наш комментарий к этой диссертации (Там же. С. 239–274).

²² Райнах А. Указ. соч. С. 445–447.

²³ Wundt W. Psychologismus und Logizismus // Wundt W. Kleine Schriften. Bd. I. Leipzig: Engelmann, 1910. S. 516. В 1902 году М. Палагий в связи с критикой Гуссерля пишет о «формалистах», стремящихся растворить логику не в психологии, а в математике:

«схоластика». Такого рода характеристика по отношению к австрийскому течению мысли, исходящему от Б. Больцано, включающему в себя Брентано и его учеников, используется и другими авторами²⁴, но авторитет Вундта придавал этой характеристике особый вес. К этому следует добавить, что в протестантской Германии «схоластика» является идеологически нагруженным термином, поскольку, в частности, именно на рубеже XIX–XX веков активно актуализируется противопоставление кантовской (протестантской) и схоластической (католической) традиции²⁵. Использование эпитета «схоластика» в философской дискуссии этого периода можно трактовать как своеобразную инерцию *Kulturkampf* и стремление использовать в философской дискуссии рычаг давнего конфессионального и культурного противостояния.

Своеобразную эволюцию претерпела оценка «Логических исследований» Вильгельмом Дильтеем. История личных и профессиональных отношений Дильтея и Гуссерля является весьма драматичной. Из свидетельств, в частности, Романа Ингардена и Гельмута Плеснера известно, что Гуссерль был обязан Дильтею получением экстраординарного профессорского места в Геттингене после выхода «Логических исследований»: «Дильтей энергично вступился за приват-доцента из Галле перед Альтхофом — руководителем отдела высшего образования в Пруссии», — отмечает Плеснер²⁶. Представляя Гуссерля своей супруге, Дильтей даже назвал его «самым значительным философом со времен Гегеля» (*Ibid.*). Гуссерль рассказывал своим ученикам, что несколько встреч с Дильтеем в 1905 г. в Берлине стимулировали его развитие от «Логических исследований» к «Идеям к чистой феноменологии и феноменологической философии»²⁷. Однако в 1911 году в статье «Философия как строгая наука» Гуссерль предпринимает атаку на «натурализм» и «историцизм», выбирая в качестве репрезентирующей фигуры последнего течения именно Дильтея. Этот неожиданный — с точки зрения предшествующей истории отношений — выпад Гуссерля инициировал непродолжительную переписку между Дильтеем и Гуссерлем (перевод на русский язык: Вопросы философии

Palagyi Melchior. Der Streit der Psychologisten und Formalisten in der modernen Logik. Leipzig: W. Engelmann, 1902.

²⁴ Так, Генрих Риккерт в одном из примечаний своей статьи «Два пути теории познания» говорит о «своеобразном схоластически окрашенном психологизме» Брентано, указывает на то, что мысли Больцано были «сильно окутаны схоластикой», а Гуссерль «не совсем освободился ни от психологизма, ни от схоластики» (*Риккерт Г. Указ. соч. С. 36*).

²⁵ См., в частности, статью Рудольфа Эйкена «Фома Аквинский и Кант: борьба двух миров» (*Eucken R. Thomas v. Aquino und Kant. Ein Kampf zweier Welten // Kantstudien. 1902. VI. S. 1–18*).

²⁶ *Plessner H. Husserl in Göttingen // Rede zur Feier des hundertsten Geburtstages Edmund Husserls. Göttinger Universitätsreden. 1959. № 24. S. 6.* См. также: *Ингарден. Указ. соч. С. 7.*

²⁷ *Schuhmann K. Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls // Husserliana. Dokumente. Bd. I. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1977. S. 88.*

фии. 1995. № 10. С. 144–150). Публичной реакции Дильтея так и не последовало, а в том же году Вильгельм Дильтей скончался.

Что же касается оценки Дильтеем «Логических исследований», то в «Первом очерке по основоположению наук о духе», опубликованном в 1905 году, Дильтей пишет: «Развивая теперь свое основоположение теории познания, которая имеет объективную реалистическую и критическую ориентацию, я должен решительно указать на то, сколь многим я обязан „Логическим исследованиям“ Гуссерля (1900, 1901), открывшим новую эру в использовании дескрипции для теории познания»²⁸.

Однако позднее Дильтей солидаризуется, напротив, с той критикой, которая была озвучена в адрес Гуссерля Вундтом²⁹: «Вслед за естественнонаучной атомистической психологией возникла школа Brentano, которая является психологической схоластикой. Ведь в этой школе вводились такие абстрактные сущности, как „разновидность действия“, „предмет“, „содержание“, из которых она складывала жизнь. Свое крайнее выражение этот подход получил у Гуссерля»³⁰.

Перечисленными реакциями активная фаза рецепции «Прологомен к чистой логике» (она охватывает период примерно 1901–1920 годов), разумеется, не исчерпывается — с их более полным перечнем и классификацией можно познакомиться в работах Mattheias Rata и Мартина Куша³¹. Сформулированный выше тезис о том, что за некоторыми исключениями (вроде Морица Шлика) основная реакция на критику Гуссерля строилась на встречном обвинении Гуссерля в психологизме, а не путем защиты психологизма, косвенно подтверждается также данными о частотности обвинений в психологизме, собранными Мартином Кушем на основании работ 139 авторов, так или иначе включенных в спор о психологизме³².

Исторический контекст «Прологомен»

На сегодняшний день сложился обширный корпус исследовательской литературы, касающийся как чисто аргументативного содержания «Проле-

²⁸ Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М.: Три квадрата, 2004. С. 54 (прим.).

²⁹ Датировка цитируемого фрагмента «Плана продолжения к построению исторического мира в науках о духе» затруднительна, но, очевидно, он более позднего происхождения, что цитированный выше «Первый очерк по основоположению наук о духе».

³⁰ Дильтей. Указ. соч. С. 287.

³¹ Rath M. Der Psychologismusstreit in der deutschen Philosophie. Freiburg (Bresgau)/München: Alber, 1994; Kusch. Op. cit.

³² Kusch. Op. cit. P. 63 и далее, особ. P. 93. Именно Гуссерль назывался психологистом чаще других (21 раз). На втором месте Теодор Липпс (20 раз), затем Дж. Ст. Милль (13), Э. Мах (12), Г. Хейманс (11), А. Майнонг и В. Вундт (10), Ф. Э. Бенекке, Ф. Brentano, Х. Корнелиус, Зигварт (9), Кант, Б. Эрдманн, Юм (8) и т. д. по нисходящей. Даже Фриц, которого В. Виндельбанд в своей истории философии причислял к главным психологистам, назван психологистом только 5 раз. Одни раз психологистом был назван даже Готлоб Фреге. Kusch. Op. cit. P. 97.

гомен к чистой логике» (см. особенно классическую статью Дж. Н. Моханти «Понятие „психологизм“ у Фреге и Гуссерля»³³, а также актуальный обзор литературы в статье М. Куша «Психологизм» в Стэнфордской энциклопедии философии³⁴), так и более широкого исторического контекста этой работы. В последнем случае речь идет о двух уже упоминавшихся выше обширных монографиях: Маттиас Рат «Спор о психологизме в немецкой философии» (1994) и Мартин Куш «Психологизм. Исследование по социологии философского знания» (1995). Методологически эти работы сильно различаются: Маттиас Рат описывает различные вариации психологизма в контексте формирования психологии как самостоятельной научной дисциплины, Мартин Куш же стремится объяснить ряд особенностей спора о психологизме — прежде всего, необычайную критическую успешность «Пролегомен» Гуссерля — с позиций близких так называемой «сильной программе» социологии знания³⁵. Однако помимо этих специальных монографий, посвященных психологизму, в качестве фундаментального исследования проблематики в том числе психологизма, сфокусированного на глубинной трансформации трансцендентальной философии, следует указать работу Одо Маркварда 1987 года «Трансцендентальный идеализм, романтическая натурфилософия, психоанализ»³⁶. К сожалению, наиболее позднее исследование — работа М. Куша — игнорирует как работу Рата (что можно объяснить их почти одновременным выходом), так и работу Маркварда. Последнее особенно досадно, так как в итоге Куш обрекает себя, в частности, на ложную полемику с Гербертом Шнедельбахом³⁷, утверждавшим в работе «Философия в Германии 1831–1933», что, несмотря на критику Фреге и Гуссерля, психологизм продолжал процветать и далее. Ложность заключается здесь в том, что Мартин Куш фактически имеет дело с очень узким сегментом литературы, полностью игнорируя то явление, которое Марквард назвал «вторым психологизмом». Символично, что «второй психологизм» начинает свое победное шествие в том же году, когда Гуссерль критически обрушивается на «первый психологизм»: в 1900 году выходят не только «Пролегомен к чистой логике» Гуссерля, но и «Толкование сновидений» Зигмунда Фрейда. Однако, учитывая специальный характер настоящего текста, посвященного «Пролегомен», мы отвлечемся от анализа фундаментального вопроса трансформации философской проблематики в работе Маркварда и схематично позволим себе остановиться лишь на монографии Рата и, подробнее, Куша.

³³ Mohanty Jitendra Nath. The Concept of Psychologism in Frege and Husserl // *Philosophy and Rhetoric*. 1997. № 30. P. 271–290.

³⁴ Kusch M. Psychologism // *Stanford Encyclopedia of Philosophy* [<http://plato.stanford.edu/entries/psychologism/>].

³⁵ Его разъяснения на этот счет см.: Куш М. Социология философского знания: конкретное исследование и защита // *Логос*. 2002. № 5 / 6. С. 104–134.

³⁶ Marquard. Op. cit. Работа представляет собой текст реабилитационной диссертации, защищенной Марквардом в 1963 году в Мюнстере.

³⁷ Kusch. Op. cit. P. 95.

Работа Рата имеет преимущественно дескриптивно и реферативно-типологический характер. В рамках этой типологии Рат различает три «дискурсивных ветви» спора о психологизме: 1) «атрибуцию» — использование элементов психологии в отдельных областях философии (исходной фигурой для Рата является здесь Фридрих Фриз), 2) «субституцию» — замещение философии и всех ее частных дисциплин психологией (полное замещение, согласно Рату, происходит в работах Теодора Липпса), 3) «конструкцию» — размежевание философии и психологии в ходе научно-теоретических дискуссий (В. Вундт, К. Штумпф, П. Наторп, Р. Хёнигсвальд, К. Марбе и др.).

Согласно М. Рату, спор о психологизме в немецкой философии следует анализировать в перспективе отделения психологии от философии и превращения ее в самостоятельную научную дисциплину, то есть в контексте процесса, который завершается дисциплинарной институционализацией психологии. Соответственно, говорить о споре о психологизме в собственном смысле слова можно только после того, как психология приобретает дисциплинарную (но все еще не институциональную!) самостоятельность по отношению к философии: психология отмежевывается от философии на уровне предмета и метода самостоятельной научной дисциплины, но в университетах все еще не появляются кафедры психологии. Таким образом, сам этот спор является оформлением дисциплинарно-институционального развода философии и психологии.

В качестве решающего конфликтного события этой истории Рат фиксирует «спор о кафедрах» 1913 года³⁸. Летом 1912 года, несмотря на противодействие Пауля Наторпа, на профессорскую кафедру Марбургского университета, которую до этого занимал Герман Коген, правительством был назначен психолог-экспериментатор, приват-доцент из Страсбурга Эрих Йенш. В ответ Генрих Риккерт выступил с инициативой³⁹ публичного обращения в пользу сохранения философских кафедр. Итоговое «Заявление», подписанное 107 философами, было опубликовано в наиболее авторитетных философских журналах Германии⁴⁰. Завершалось «Заявление» следующей рекомендацией правительству: «В общих интересах обеих этих наук [философии и экспериментальной психологии. — В. К.] следует обратить особое внимание на то, чтобы философия сохраняла свое положение в жизни высшей школы. Поэтому в будущем экспериментальная психология должна поддерживаться только путем учреждения собственных кафедр, и везде, где прежние философские кафедры уже заняты экспериментальными психологами, следует позаботиться о создании новых кафедр»⁴¹. Среди подписавших заявление были Э. фон Астер, Б. Баух, А. Брюнсвиг, Н. Буб-

³⁸ *Rath*. Op. cit. S. 254 ff.

³⁹ См. цитированное выше письмо Гуссерля Риккерт.

⁴⁰ *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* 151 (1913), S. 233; *Kant-Studien* 18 (1913), S. 306; *Logos* 4 (1913), S. 115.

⁴¹ *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Bd. 151 (1913), S. 234. Перевод этого документа в целом, а также анализ этого эпизода см.: *Куренной В.* Философия и институты: случай феноменологии // *Логос*. 2002. № 5/6 (35).

нов, Г. Коген, Й. Кон, Г. Корнелиус, Р. Эйкен, К. Фишер, М. Фришайзен-Кёллер, М. Гайгер, Б. Гротгейзен, Н. Гартман, Э. Гуссерль, Р. Кронер, Э. Ласк, А. Метцгер, Г. Миш, П. Наторп, А. Пфендер, Г. Риккерт, А. Риль, Г. Зиммель, Э. Шпрангер, Ф. Тённис, Г. Файхингер, В. Виндельбанд — то есть все основные критики психологизма и сторонники «чистой» философии.

Более комплексное и сильное объяснение спора о психологизме содержит вышедшая несколько позднее монография Мартина Куша, который формулирует цель своей работы следующим образом: «В книге „Психологизм“ я пытался ответить на вопрос о том, почему немецкие философы конца XIX и начала XX веков стали расценивать „психологизм“ как фундаментальную философскую ошибку»⁴². Работа начинается с систематического анализа антипсихологистской аргументации Фреге и Гуссерля, в отношении которой Куш устанавливает фактическое тождество: «...почти все ключевые аргументы Гуссерля против психологизма могут быть найдены в текстах Фреге. Совпадение настолько сильное, что, похоже, гуссерлевская критика психологизма находится под мощным влиянием Фреге, более того, возможно, что Гуссерль просто заимствует свои аргументы у Фреге»⁴³. В рамках заявленного Кушем методологического подхода (социология знания) это обстоятельство позволяет переформулировать проблему следующим образом: если «идеально» аргументы Фреге и Гуссерля в основном просто идентичны⁴⁴, то объяснение столь разной реакции на работы Фреге и более позднюю работу Гуссерля следует искать не в идеальной, а в социокультурной сфере.

Стремясь дать ответ на этот вопрос, Куш перечисляет следующие факторы, определившие, на его взгляд, различие воздействия аргументов Фреге и Гуссерля⁴⁵. Во-первых, для некоторых немецких философов опасность «логического математизма» (Риккерт) была не менее жесткой и реальной, чем опасность психологизма. Гуссерль же, в отличие от Фреге, акцентированно трактовал математическую логику как нефилософское начинание, как «технику» определенного рода. Во-вторых, Фреге и Гуссерль занимали различные места в пространстве как географическом, так и академическом. Йена, где в основном провел свою жизнь Фреге, была очень небольшим университетским городом — в 1901 году в Йенском университете, бывшем предпоследним по величине в Германии того времени, обучалось около 700 студентов. (Йена была также последним университетским городом, который был включен в немецкую сеть железнодорожных сообщений.) Гуссерль, в отличие от Фреге, учился и работал в ведущих научных центрах немецкоязычного мира, сумел завязать личные знакомства с ведущими фигурами как в математике, так и в философии того времени.

⁴² Куш. Указ. соч.

⁴³ Kusch. Op. cit. P. 60.

⁴⁴ С этим соглашаются, конечно, далеко не все исследователи, см., в частности, упомянутую выше работу Моханти.

⁴⁵ Kusch. Op. cit. P. 203–210.

Иными словами, если Фреге был изолированным математиком, имевшим незначительные контакты с германской философской наукой, то Гуссерль, по мнению Куша, было хорошо устроившимся членом философско-академического сообщества. В-третьих, существенно различались риторические стратегии Фреге и Гуссерля. Фреге посвятил критике психологизма полтора десятка страниц, тогда как Гуссерль — целую книгу. Критика Фреге является «беспощадной и сатирической», тогда как Гуссерль рассыпается в превосходных эпитетах по отношению к тем, кого критикует. Философские и логические построения оспариваемых авторов Гуссерль называет «прекрасными», «важными», «интересными», «выдающимися» и т. д. Кроме того, Гуссерль указывает, что сам лишь недавно расстался с психологистской позицией, подчеркивая тем самым определенную привлекательность и убедительность психологизма. В-четвертых, если Фреге не эшелонирует исторически свою позицию каноническими фигурами-предтечами, то Гуссерль, напротив, связывает свой антипсихологизм с целым пантеоном предшествующих уважаемых философов — с Кантом, Лейбницем, Гербартом, Лотце, Ланге и Больцано. Он также, несмотря на мягкую критику неокантианства, позиционирует свой проект чистой логики как близкий неокантианству — «проекту, доминирующему в Германии этого времени». Наконец, Куш, ссылаясь, впрочем, лишь на единственное примечание в «Пролегоменах» по поводу О. Кюльпе (§ 57), отмечает, что Гуссерль направляет свою критику психологизма прежде всего против доминирования экспериментальной психологии на философских факультетах.

Кроме того, Куш анализирует критику аргументации Гуссерля против психологизма на протяжении двух десятилетий после выхода «Пролегоменов» и приходит к выводу, что однозначное понятие «психологизм» так и не было выработано. Тем не менее, несмотря на выделяемое им многообразие реакций, Куш констатирует: «За очень немногими исключениями немецкие философы соглашались с тем, что психологизм представляет собой философскую ошибку и что он должен быть изгнан из философии раз и навсегда»⁴⁶. Объяснение этому общему согласию он видит также в институциональном процессе становления психологии как самостоятельной научной дисциплины, описывая этот процесс в соответствии со схемой, ранее предложенной Дж. Бен-Дэвидом и Р. Коллинзом⁴⁷. Бен-Дэвид и Коллинз объясняют «успешный» случай становления науки психологии в Германии (в отличие от неуспешных случаев Франции, Великобритании и Соединенных Штатов) в силу механизма «гибридизации ролей» (роли физиолога и философа). Появление подобного гибрида объясняется Бен-Дэвидом и Коллинзом двумя факторами. Во-первых, это перепроизводство ученых-физиологов, в результате чего в области физиологии к 1860-м годам конкурентная борьба за позиции в академиче-

⁴⁶ *Kusch*. Op. cit. P. 95.

⁴⁷ *Бен-Дэвид Дж., Коллинз Р.* Социальные факторы при возникновении новой науки: случай психологии // *Логос*. 2002. № 5/6 (35). С. 79–103.

ском пространстве становится слишком жесткой — растет число претендентов (приват-доцентов и экстраординарных профессоров) на полные профессорские места, но без всякой реальной возможности их получения. Во-вторых, научная слабость философии и существенное снижение ее престижа, ставшее результатом предшествующих претензий спекулятивной идеалистической философии на роль некоей «сверхнауки». Образцовым представителем подобной гибридизации ролей является Вильгельм Вундт: «Вундт, используя эмпирические методы Фехнера по изучению чувственного восприятия, предложил строить метафизику на прочном фундаменте, превращая, таким образом, философию в науку. Чтобы сохранить свой статус ученого, ему пришлось не только осуществить революцию в философии, заменяя логические спекуляции эмпирическим исследованием, но также широко афишировать то, что его предприятие отличалось от того, чем занимались традиционные философы»⁴⁸. Помимо Вундта, Бен-Дэвид и Коллинз причисляют к числу отцов-основателей психологии в Германии пятерых человек: Франца Brentano, Георга Элиаса Мюллера, Карла Штумпфа и Германа Эббингауза.

М. Куш в своей работе добавляет к этому перечню еще и Освальда Кюльпе. А также дополняет гипотезу Бен-Дэвида/Коллинза о гибридизации ролей следующей: среди философов вызревает протест по отношению к новой психологии, выразившийся в тенденции к «пурификации» роли философа⁴⁹. В качестве образцовых фигур «чистых философов», стремившихся к пурификации своей роли, Куш выделяет Дильтея, Риккерта, Виндельбанда и, наконец, Гуссерля (с его концепцией «дескриптивной психологии», заявленной в «Логических исследованиях»). Согласно Кушу, чистые философы не ограничивались в дискуссии одними аргументами, но прибегали к «политике силы» (*Kusch. Op. cit. P. 162*), нашедшей свое выражение в составлении уже названного «Заявления» во время «спора о кафедрах». В ответ Вильгельм Вундт в статье «Психология в борьбе за существование» предпринял попытку сохранить единство психологии и философии. Она, однако, не увенчалась успехом.

Согласно реконструкции последующих событий, предложенной Кушем, спор о психологизме очень быстро потерял актуальность: начавшаяся Первая мировая война означала прекращение внутренних споров и пропагандистскую мобилизацию философии, тогда как в послевоенный период конфигурация настроений и дискуссий полностью изменились: «По сути, и чистая философия, и экспериментальная психология должны были выживать в интеллектуальном окружении, враждебном к науке, рациональности и систематическому знанию, и приспособливаться к нему»⁵⁰.

⁴⁸ Бен-Дэвид, Коллинз. Указ. соч. С. 98.

⁴⁹ *Kusch. Op. cit. P. 160* и далее.

⁵⁰ Цитируется по русскому переводу этой главы монографии Куша: Куш М. Победителю достается все: Философия жизни и триумф феноменологии // *Логос*. 2004. № 3 / 4 (43). С. 171–204.

Основной особенностью новой послевоенной атмосферы была, согласно Кушу, философия жизни и «триумф феноменологии».

На этом мы закончим рассмотрение основных современных трактовок феномена психологизма, «спора о психологизме», а также вытекающих из этих трактовок объяснения специфического успеха «Прологомен». Мы на станем останавливаться на критике отдельных изложенных выше трактовок, но сформулируем собственные положения, раскрывающих проблемные и исторические истоки психологизма, а также сформулируем другое объяснение успеха критики психологизма в «Прологомен» Гуссерля⁵¹.

Психологизм

Рассмотрение явления психологизма в рамках гипотезы обретения психологией дисциплинарной и институциональной самостоятельности по отношению к философии не объясняет принципиальных особенностей этого явления. Исторически психологизм представляет собой одну из исследовательских программ философии, сформулированных в ответ на кризис самоидентификации немецкой университетской философии, прослеживаемый начиная с 20-х годов XIX века (достигает своего пика после смерти Гегеля и «краха» его философской системы). Суть программы психологизма сводится к тому, чтобы сциентизировать философию, придать ей статус «строгой науки» путем перевода исследований сознания — центрального предмета новоевропейской философии — на строго научную (эмпирическую) основу. Побудительным мотивом этого движения было осознание тупиковости немецкой спекулятивно-идеалистической философии, превратившейся в череду конкурирующих между собой систем, претендующих на завершенность и априорную беспредпосылочность⁵². Ключевой фигурой для понимания зарождения программы психологизма является отнюдь не В. Вундт, а *Фридрих Эдуард Бенекке*, которому и должна быть приписана роль философа, сформулировавшего законченную программу психологизма. В этом смысле первое историческое использование термина «психологизм» в работе И. Э. Эрдмана 1866 года⁵³ по отношению именно к философской программе Бенекке является

⁵¹ Подробнее некоторые из этих положений развернуты и аргументированы в работах: *Куренной В.* Уединение университетского философа // *Логос*. 2007. № 6. С. 63–74; *Куренной В.* Философия и институты: случай феноменологии // *Логос*. 2002. № 5 / 6 (35). С. 135–161; *Куренной В.* Феноменология и университет // *Феноменология и гуманитарное знание: материалы международной конференции*. Киев: Тандем, 1998. С. 151–161.

⁵² Бенекке объясняет эту чехарду систем специфическим изъяном философии Канта. Он заключается в неопределенном эпистемологическом статусе описания структур сознания познающего субъекта в «Критике чистого разума» Канта. См.: *Beneke F. E.* Kant und die philosophische Aufgabe unserer Zeit. Berlin: Posen und Bromberg, 1832.

⁵³ *Rath*. Op. cit. S. 32. К сожалению, даже в типологической работе М. Рата Бенекке не уделено специального внимания, что вызывает только удивление.

совершенно точным в систематическом отношении. О содержании же этой программы исчерпывающим образом говорит название работы Бенеке 1920 года «Опытная психология как основа всякого знания»⁵⁴.

Психологизм является не только одной из исследовательских программ университетской философии — он был влиятельнейшей программой, достигшей пика своего могущества к концу XIX века, — но при этом программой неудачной. В отличие от ряда других постметафизических исследовательских программ, также зародившихся в немецкой университетской философии XIX века (философии как теории науки (А. Тренделенбург), философии как истории философии⁵⁵, философской герменевтики, философии как анализа языка (Г. Фреге)), программа психологизма в значительной степени была свернута в XX веке. Явление психологизма в период его расцвета — к концу XIX века — следует рассматривать с точки зрения его принципиальной неоднородности. Эта неоднородность отнюдь не пролегает по оси «психологи» — «чистые философы». Определяющим здесь является конфликт натуралистической (каузальной, «экспериментальной») и ненатуралистической модели психологизма⁵⁶. Формирование экспериментальной модели Вундтом лишь немного опережает формирование основных ненатуралистических моделей, оформлявшихся как различные варианты „описательной“ или „дескриптивной психологии“. Вот основной перечень этих ненатуралистических моделей: психология „с эмпирической точки зрения“ Франца Brentano и различные версии этой модели в работах его учеников (включая К. Штумпфа и Э. Гуссерля), „описательная и анализирующая“ психология В. Дильтея, описательная и объясняющая психология Теодора Липпса. Все эти модели легко выделить по следующему критерию: они допускают ненатуралистические методы исследования психики («дескрипцию», «анализ», «понимание» и т.д.). Программы «описательной», ненатуралистической психологии различаются, в свою очередь, по степени радикальности противостояния натуралистической методологии: от методологического взаимодополнения (Бrentano, Липпс) до методологического взаимоисключения (Дильтей, феноменологический проект Гуссерля).

Именно указанная расстановка позиций по отношению к натурализму делает совершенно понятным, почему максимум «психологизма» вовсе не означал максимум конфликта с «Логическими исследованиями» Гуссерля. Философом, который в конце XIX века самым последовательным и настойчивым образом утверждает, что вся философия и, шире, все гуманитарные науки должны основываться на психологии, является Тео-

⁵⁴ *Beneke F. E. Erfahrungsseelenlehre als Grundlage alles Wissens. Berlin, 1820.*

⁵⁵ Заслуга формирования сциентистской программы здесь принадлежит Э. Целлеру. См.: *Куренной В. Эмпирическая метафизика и исследовательская программа истории философии Эдуарда Целлера // Логос. 2006. № 1 (52). С. 89–102.*

⁵⁶ Поэтому совершенно не случайна эволюция Гуссерля именно к критике натурализма в статье «Философия как строгая наука» (1911).

дор Липс. Сам Гуссерль указывает в «Пролегомен» (§ 40), что у Липса «психологизм представлен так оригинально и последовательно, так чужд всяких компромиссов, так глубоко проведен через все разветвления дисциплины, как мы этого не видели со времен Бенеке»⁵⁷. Однако фактически именно ученики Липса оказались наиболее восприимчивы к идее феноменологической философии, а вовсе не враждебны к ней. Для того чтобы стать на платформу феноменологической философии Гуссерля, им не потребовалось даже существенной модификации воспринятых от Липса методологических установок⁵⁸. Если смотреть из этой перспективы, то в центре проблемы психологизма находится не спор «чистых» философов и представителей новой дисциплины — психологии, а конфликт натуралистически и ненатуралистически ориентированных исследовательских подходов. Соответственно, эта проблема не исчезает и после формального дисциплинарного «развода» психологов и философов (создание психологического факультета и т.д.), но постоянно воспроизводится в рамках психологии (например, в виде конфликта «персоналистически» ориентированных терапевтических практик и бихевиоризма).

Успех «Пролегомен к чистой логике»

Полагаю, что предложенные в особенности Мартином Кушем объяснения успеха работы Гуссерля в споре о психологизме не являются достаточными. Множество указываемых им причин, включая состояние железных дорог, не объясняют потрясающую регулярность реакции на эту критику — никто не хотел признавать себя психологистом в том полном смысле, который придал этому понятию Гуссерль в «Пролегомен». Гуссерль добился почти невозможного в философском споре — похоже, он действительно опроверг психологизм! Психологи не отстаивали свой психологизм — стоит предположить, что Гуссерль высказал про психологизм нечто такое, что ставило эту позицию в том виде, как он ее определил, вне возможной дискуссии.

Все исследователи спора о психологизме обращают внимание на организационную подоплеку этой дискуссии — «спор о кафедрах». И этот конфликт, безусловно, является важным для понимания травматического накала спора о психологизме. Однако даже такой сторонник социологии знания, как Мартин Куш, не обратил внимание на то, что кафедры философии отнюдь не парят в пустом пространстве. Эти кафедры существуют в рамках такого института, как университет, а в данном конкретном случае — в рамках модели «Гумбольдт-университета»⁵⁹. Наш тезис заклю-

⁵⁷ См. Также: *Rath*. Op. cit. S. 155–179. Главу, посвященную Липсу, Рат назвал характерным образом: «Полное замещение: концепт философии Теодора Липса».

⁵⁸ См.: *Куренной В.* К вопросу о возникновении феноменологического движения // *Логос*. 1999. № 11/12 (21). С. 156–182.

⁵⁹ Об институциональных особенностях Гумбольдтовской модели университета см.:

чается в том, что анализ дискуссии о психологизме и роли в нем «Прологомен» невозможен без учета институционального контекста, к которому относится в первую очередь не «спор о кафедрах», а институциональные нормы университета⁶⁰.

В «Прологомен» Гуссерль не первый обрушился с критикой на психологизм. Более того, аргументы Гуссерля были не оригинальны и, по сути, повторяли аргументы Фреге. Однако Гуссерль извлек из этих аргументов более разветвленную серию выводов, вплоть до квалификации психологизма как «скептического релятивизма» (тем самым я утверждаю, что седьмая глава «Прологомен» является центральной для понимания гуссерлевской критики психологизма). Гуссерль, таким образом, связал психологизм с позицией, *табуированной институциональными нормами гумбольдтовского «исследовательского университета», основанного на идее поиска научной истины.*

«Скептический релятивизм» — это уже нарушение институциональной нормы. Это легко подтвердить, если обратить внимание на то, что осуждение скептицизма является общим местом для университетских философов. В особенности настойчиво эта норма утверждается, например, по отношению к философии Дэвида Юма, скептические выводы которого, как принято описывать в немецкой философской традиции, встретили достойный отпор у Иммануила Канта⁶¹. Однако и критики Канта, если только они являются университетскими философами, выступают столь же ревностными критиками скептицизма. В частности, Адольф Тренделенбург во втором издании своих «Логических исследований» пишет: «Там, где сомнение, полезное в частном случае, если оно направлено на достижение надежного знания, осмеливается быть общезначимым (*allgemein gelten zu wollen*) и стремится стать господствующим настроением науки, так что наука должна знать только одно — что она ничего не знает, — там оно становится скептицизмом, поражающим нерв исследовательского духа... Теоретическое опровержение скептицизма заключается скрытым образом в логике, которая стремится раскрыть перед нами понимание сущности необходимости и сущности процесса того, как познание достигает

Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5 / 6 (35). С. 65–78; *Фурман М.* Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет // Вопросы образования. 2010. № 3. С. 32–48.

⁶⁰ К сожалению, исследователи спора о психологизме упускают из вида другие аналогичные дискуссии, в частности спор об историцизме, сокрушителем которого стал Ницше со своими «Несвоевременными размышлениями». Никакого кафедрального конфликта за этим спором не стояло, однако его накал был никак не меньшим, чем в случае спора о психологизме.

⁶¹ В действительности же первая последовательная и широкомасштабная критика Юма как скептического философа принадлежит Томасу Риду, также профессору философии. Как замечает Рид, «я убежден, что абсолютный скептицизм одинаково разрушает веру христианина, науку философа и благоразумие человека здравого смысла» (*Рид Т.* Исследование человеческого ума на принципах здравого смысла. СПб.: Алетейя, 2000. С. 89).

этой необходимости»⁶². Скептицизм в институционально-нормативной структуре научного знания допустим лишь в своей ограниченной форме (Р. Мертон) — как прием, направленный на укрепление позиции знания, а отнюдь не в «общезначимой» форме, как замечает Тренделенбург⁶³. В этом пункте, кстати сказать, совершенно отчетливо обнаруживается, каким именно образом «Логические исследования» Гуссерля выступают как продолжение «Логических исследований» Тренделенбурга.

Скептицизм подрывает саму «чистую идею науки» (Гумбольдт), которая была заложена в основание немецкого университета. Это «негативная философия» — если воспользоваться термином Густава Шпета, позднее подражательно транслировавшего этот топос критики на российскую почву⁶⁴. Именно использование этого институционально-нормативного рычага (по отношению к которому все прочие факторы играют вторичную роль) позволяет объяснить, почему «Пролегомен» Гуссерля приобрел наибольшее влияние и резонанс в сравнении с более ранними атаками на психологизм со стороны Фреге и Наторпа, а также то, почему никто серьезно не оспаривал критическую аргументацию Гуссерля в целом.

⁶² *Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. Bd. I. Berlin, Bethge, 1862. S. 11.*

⁶³ Лишь во второй половине XX века по отношению к скептицизму можно встретить ряд эпатажных исключений в немецкой философии, в частности, свой скептицизм таким образом подчеркивает Одо Марквард.

⁶⁴ *Шпет Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы. М., 1914. С. 11.*